

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-326-346>
<https://elibrary.ru/ESMSBL>

Научная статья / Research Article
УДК 82.091

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

© 2024 г. *Е.Е. Дмитриева*

Судьбы замков в XX и XXI вв.: проблемы музеефикации и потребность доместикации¹

Аннотация: Статья посвящена исследованию процессов, происходивших с западноевропейскими литературно-художественными усадьбами в период между их расцветом и дальнейшей музеефикацией. Это время, как правило, остается мало освещенным и в исследованиях, и в сознании тех, кто посещает превратившиеся в музеи замки. На примере двух художественных коммун, английско-го Редхауса и немецкого Ворпсведе, а также двух художественных вилл, расположенных на Лазурном берегу Франции (Иер маркизы де Ноай и Керилос Теодора Рейнаха) демонстрируется, что разрушение и приспособление арт-объектов к потребностям нового времени, бывшие неотъемлемой составляющей истории русских усадеб, маркировали также и историю западных поместий. Рассматривается особая форма музеефикации, инициатором которой становились сами хозяева поместий (Строберри Хиллз Хораса Уолпола, дом Пьера Лоти в Рошфоре, замок Монте-Кристо Александра Дюма). То соревновательное напряжение, которое может возникать у владельцев замков, совмещающих в одном лице одновременно литератора, архитектора и хозяина имения, демонстрируется на примере истории строительства замка Эбботсфорд шотландским романистом Вальтером Скоттом.

Ключевые слова: Вальтер Скотт, Эбботсфорд, Пьер Лоти, Хорас Уолпол, вилла Керилос, музеефикация, доместикация.

Информация об авторе: Екатерина Евгеньевна Дмитриева — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующая Отделом русской классической литературы, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Для цитирования: *Дмитриева Е.Е.* Судьбы замков в XX и XXI вв.: проблемы музеефикации и потребность доместикации // Усадьба и дача в литера-

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

туре советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 326–346. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-326-346>

© 2024. Ekaterina E. Dmitrieva

The Fate of Castles in the 20th and 21st Centuries: Problems of Museumification and the Need for Domestication²

Abstract: The article is devoted to the question of what happened to Western European literary and artistic estates in the period between their heyday and their subsequent museumification. This period, as a rule, remains poorly covered both in research and in the minds of those who visit castles that have turned into museums. Using the example of two artistic communes, the English Redhouse and the German Worpswede, as well as two artistic villas located on the Côte d’Azur of France (Hyeres of Marquise de Noailles and Kerylos oa Theodor Reinach), it is demonstrated that the destruction and adaptation of the art object to the needs of modern times, which were an integral part the history of Russian estates, also marked the history of Western estates. A special form of museumification initiated by the owners of the estates themselves (Horace Walpole’s Strawberry Hills, Pierre Loti’s house in Rochefort, Alexandre Dumas’s Monte Cristo Castle) is also considered. The competitive tension that can arise among the owners of castles, who combine in one person at the same time a writer, an architect and the owner of an estate, is demonstrated by the example of the history of the construction of Abbotsford Castle by the Scottish novelist Walter Scott.

Keywords: Walter Scott, Abbotsford, Pierre Loti, Horace Walpole, Villa Kerylos, Museumification, Domestication.

Information about the author: Ekaterina E. Dmitrieva — DSc in Philology, Corresponding Member of the Academy of Sciences, Head of the Department of Russian Classical Literature, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

For citation: Dmitrieva, E.E. “The Fate of Castles in the 20th and 21st Centuries: Problems of Museumification and the Need for Domestication.” *Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*, comp. by O.A. Bogdanova, ex. ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 326–346. (Series: “Russian Estate in a Global Context”, issue 8). (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-326-346>

² This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

В истории русских усадеб и их западноевропейских аналогов (замков, вилл, дворцов) одним из наиболее интересных, но при этом до сих пор не проясненных моментов является превращение Дома в Музей. Нельзя не признать, что в обывательском сознании почти любая усадьба (замок) предстает словно в двух ипостасях: как место обитания людей, прославивших усадьбу, и как музей, своего рода мемориал наиболее прославленных ее жильцов. Таково Михайловское, которое мы ассоциируем почти исключительно с Пушкиным и именно тем периодом, когда в нем проживал, и которым интересуемся, попадая в заповедник, носящий его имя. Такова же Ясная Поляна, одухотворенная Л.Н. Толстым, и т. п. А период, который эти две эпохи разделяет, словно подернут пеленою.

Сама история России резко маркировала подобный разрыв разрушением усадеб и позже дач и в 1905, и в 1917 гг., когда из руин и пепла они поднимались и оживали уже в виде музеев — или же, получив охранную грамоту, приобретали статус музея, который столь же легко впоследствии и теряли³. Ситуация же с западными усадьбами и виллами несколько иная. Впрочем, не следует думать, что европейские замки, как и артистические коммуны, которые мы условно воспринимаем как западные аналоги русских усадеб, избегали разрушений и катаклизмов истории.

Вспомним, чем закончилась блистательная идиллия английских прерафаэлитов, местом осуществления которой мыслился построенный Уильямом Моррисом Редхаус⁴. Гармоничной жизни, о которой мечтал Моррис, в гармоническом пространстве художественной коммуны не получилось. За те пять лет, пока длился эстетический эксперимент, покончила с собой Элизабет Сиддел, жена Данте Габриэля Россетти. Джейн Барден, модель множества полотен прерафаэлитов, жена и муза Морриса, устав от навязанной ей роли Прекрасной Дамы, ушла от Морриса к Россетти. Сам Моррис в 1865 г. решил продать имение, сказав, что один вид его вызывает у него слишком много переживаний⁵. Из бывших обитателей

³ См.: Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI – XX вв.: исторические очерки. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 560–648; *Русвельт П.* Судьба усадеб России и их сокровищ 1917–1930 // *Русская усадьба: сб. ОИРУ.* Вып. 15. М.: Жираф, 2009. С. 7–24; *Дмитриева Е.Е.* Прикрепленные к земле и воздуху: В каких формах выживала русская усадьба после революции 1917 года? // *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы): монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 69–110.

⁴ См.: *Дмитриева Е.Е.* Редхаус прерафаэлитов // *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). С. 202–220.

⁵ См.: *Mackail J.W.* The Life of William Morris. L.; N. Y.; Bombay: Longmans, Green & Co, 1922. P. 144.

в Редхаус вернулась однажды, в 1897 г., лишь дочь Морриса, Мэй Моррис, да еще Джорджиана Берн-Джонс. Но это было уже в те времена, когда Редхаус, несколько раз до того переходивший к различным новым хозяевам, был куплен наконец Чарльзом Холмом (1848–1923), владельцем магазина «Либерти», в котором продавались предметы декора и искусства Азии. Новый хозяин глубоко почитал Морриса и инициированное им движение искусств и ремесел. После Холма, оставшегося хозяином Редхауса с 1889 по 1903 гг., усадьба имела еще несколько хозяев. В 1941 г. правительственный совет по оказанию помощи тем, кто в начале войны остался без крова, стал использовать первый этаж дома для своего офиса⁶. К концу войны дом и вовсе пришел в упадок, его последние хозяева, супружеская пара Хиллз, безуспешно пытались продать его в 1950 г. Национальному фонду (National Trust), а затем руководству лейбористской партии, а потом, отчаявшись, предложили его за 5000 фунтов стерлингов любому, «желающему сохранить его для нации». Дом пустовал целый год, пока не был куплен за 3500 фунтов архитекторами Ричардом Томсом (1914–2005) и Эдвардом Холламби (1921–1999) в 1952 г.

По сути, музеефикация дома началась лишь с 1953 г., когда только что созданное Общество Уильяма Морриса провело свое первое заседание в Редхаусе, а затем, в 1960 г., устроило там вечеринку в саду в ознаменование столетнего юбилея дома. После своего ухода на пенсию в 1985 г. последний его владелец Эдвард Холламби открыл Редхаус для посетителей, в 1998 г. по его инициативе было создано общество «Друзей Редхауса», которые помогали содержать дом и его сады, а также проводили экскурсии для посетителей. Но после смерти Холламби в 1999 г. дом был снова выставлен на продажу. И тут случилось почти чудо: неизвестные благотворители приобрели его с тем, чтобы передать окончательно в ведомство National Trust в 2003 г. И только после этого начались работы по аутентичной реконструкции дома, которому окончательно был придан статус музея⁷.

Значительно более драматично складывалась судьба другой артистической коммуны ранних немецких экспрессионистов (Г. Фогелера,

⁶ Комментируя эту ситуацию, посетитель здания, премьер-министр Новой Зеландии Питер Фрейзер, заявил: «...я думаю, Моррису было бы приятно узнать, что его дом используется для такой цели. Дом посвящается служению народу, а Моррис все время был на стороне народа» (см.: Historic Houses Wiki. Red House, London. URL: https://historic-houses.fandom.com/wiki/Red_House,_London#Early_residential_ownership:_1866%E2%80%931933) (дата обращения: 08.02.2024).

⁷ См.: *Waithe M.* The Stranger at the Gate: Privacy, Property, and the Structures of Welcome at William Morris's Red House // *Victorian Studies*. 2004. № 46 (4). P. 567–595.

Ф. Макензена, О. Модерзона и др.), центром и локацией которой стал приобретенный Фогелером в 1895 г. в Ворпсведе дом-усадьба под названием Баркенхоф (*Barkenhoff*). Эволюционировав параллельно Фогелеру от эстетической общины (начало XX в.) к общине социально-политической (1910–1920-е гг.), Баркенхоф становится прибежищем для политически ангажированных военнопленных, пользуется репутацией «гнезда левых»⁸. Здесь создается трудовая школа, цель которой — доказать возможность существования нового общества. Но поскольку при этом возникает необходимость обеспечить пропитание коммуны, то сад Баркенхофа, разбитый некогда в стиле модерн, преобразуется в банальный огород, домашние отходы компостируются, сооружаются специальные колодцы для полива. Сам Фогелер переживает тяжелое время: в 1929 г. его исключили из Коммунистической партии Германии и из Центрального совета Красного креста, что заставило его эмигрировать в Советскую Россию, откуда в 1941 г. его как немца депортировали в Казахстан, в Первомайский колхоз Корнеевка Карагандинской области, где, приговоренный к работам на строительстве плотины, он умер от истощения в 1942 г. Судьбы других участников ворпсведского братства сложились не так трагично, но во многом парадоксально. Фриц Макензен стал в 1930-е гг. доверенным лицом Имперской палаты культуры (*Reichskulturkammer*) — высшего государственного органа, контролировавшего работников сферы искусства в Третьем Рейхе. В период Веймарской республики он оказался членом союза «Стальной шлем» и в 1937 г. вступил в ряды Национал-социалистической рабочей партии Германии. На заключительном этапе Второй мировой войны, в августе 1944 г., он был включен в список самых уважаемых в Германии художников, так называемую *Gottbegnadete-Liste*, над составлением которой работали Гитлер и Геббельс. В канун Второй мировой войны, в 1940 г., Макензен написал и издал книгу, посвященную истории художественной колонии, с которой начинался его собственный путь в искусстве: «Ворпсведе и его первые художники»⁹.

Круг единомышленников распался, Баркенхоф в 1932 г. приобрел в собственность садовый архитектор Макс Карл Шварц. Тогда же в последний

⁸ Фогелер в конце 1910-х гг. начинает исповедовать идеи христианского социализма, вслед за Прудоном и Ламенне — идею *общины*, члены которой, лишённые собственности, способны жить друг с другом в мире и согласии. Подробнее см.: *Дмитриева Е.Е.* В сторону Ворпсведе // *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). С. 221–245.

⁹ См.: *Mackensen F.* Worpsswede und seine ersten Maler// *Stader Archiv, Neue Folge.* 1940. Н. 40. S. 5–14.

раз посетил его Фогелер. Марта, первая жена Фогелера, «женщина его снов», в 1946 г. продала свой дом в соседней деревне Шлу, бывший в свое время неотъемлемой частью ворпсведовской колонии художников, историка искусства Гансу-Герману Рифу. Вместе с домом она передала новому хозяину Шлу также собрание картин, книг и рукописей Фогелера. Именно они легли в основу «Фонда Ворпсведе», который является сейчас частью архива Баркенхоф-Ворпсведе (Barkenhoff-Stiftung Worpswede), созданного в 1981 г.¹⁰ С этого времени и отсчитывается новое признание и понимание той роли, которую сыграло ворпсведское братство в истории искусства, а также понимание роли, которую сыграла в этой истории усадьба Баркенхоф.

Более чем известна судьба первого Гетеанума — не просто художественной, но еще и теософской общины. Нижняя часть здания строилась в течение 1913–1920 гг., над ней работали ученики и последователи Р. Штейнера. Гетеанум был построен «силой любви и жертвы»¹¹ и сгорел в рождественскую ночь 1922–1923 г. «Если бы постройка была доведена до конца, здание излучало бы мир. Во второе здание мы внесем с деньгами страховки человеческую ненависть...», — говорил, по воспоминаниям Аси Тургеневой, Штейнер¹². И хотя построенный из бетона на его месте в 1925–1928 гг. второй Гетеанум стоит и по нынешний день (за это время он дважды подвергался реконструкции), по-прежнему выполняющая роль антропософского центра и привлекая духовно ищущих людей, рана, нанесенная уничтожением первого, главного Дома, была неизлечима. О ней долго еще вспоминали свидетели. Сам Штейнер погрузился после случившегося в тяжелое состояние, из которого ему так и не суждено было выйти (он умер два года спустя после пожара). Для тех, кто участвовал в строительстве первого Гетеанума, второй дом так и не стал Домом, превратившись в некое подобие музея. И здесь мы имеем дело уже со случаем, когда музеефикация из акции спасения становится моментом частичной профанации заложенных в доме глубинных ценностей (что, впрочем, не исключает той роли, которую Дорнах по сей день играет в жизни людей, духовно алчущих)¹³.

¹⁰ Worpsweder Archiv // Worpsweder Museen. URL: <https://www.worpswede-museen.de/barkenhoff/worpsweder-archiv.html> (дата обращения: 08.02.2024).

¹¹ Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М.: Новалис, 2002. С. 130.

¹² Там же. С. 131.

¹³ См. также: Бельый А. Антропософия и Россия / пер. с нем. и примеч. Р. фон Майдель, М. Безродного // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 168–181; Азадовский К.М. Панорама русского штейнерианства // Новое литературное обозрение. 2007. № 2. С. 209–216.

Казалось бы, заброшенные усадьбы — тема сугубо русской литературы. Однако история европейских замков показывает, что это не так и что опустошение, превращение в руины недавнего великолепия не минует и их. Приведем несколько примеров. Первый из них — замок Куранс, расположенный неподалеку от знаменитого замка Фонтенбло и вполне способный поспорить с ним по художественному качеству и самого замка, и окружающего его парка. Первое совпадение здесь с историей русских усадеб — лихолетье революции (только получается, что во Франции оно наступило гораздо раньше). Хозяин имения Эмар Николаи отправился в это время вместе с сыном на гильотину, а замок отошел юной Республике. Впрочем, вскоре его вернули семейству Николаи, но только представители его уже сами не желали сюда возвращаться. Оставленное имение к 1830-м гг. (!) окончательно пришло в упадок, картину которого описал художник Жюль Ле Кер, оказавшийся в Курансе вместе с Ренуаром и Сислеем уже в 1860-е гг.:

Мы отправились в среду в 2 часа пополудни, Сислей, Ренуар и я, через лес, и к 7–7.30 добрались до деревеньки Милли. На следующее утро <...> отправились в Куранс, где находится *прекрасный замок, оставленный маркизом Николаи, который, окруженный водой и не поддерживаемый никем, растворяется понемногу в пространстве как кусок сахара, брошенный в блюдо с водой* (Курсив мой. — Е.Д.)¹⁴.

В запустении Куранс пребывал почти полвека, пока в 1872 г. его не купил берлинский банкир барон Самуэль фон Хабер (1812–1892), оказавшийся в Париже в изгнании — по легенде, за интригу с дочерью великого герцога Баденского. С ним же началась и новая эпоха в истории замка Куранс: очищение парка, водоемы которого, заросшие заиленными водорослями, превратились в болото, а также стилизация замка под эпоху Людовика XIII (с подобной неисторической концепцией будут спорить последующие хозяева, в частности одна из самых ярких женщин «прекрасной эпохи» Берта де Беаг¹⁵).

¹⁴ Письмо Жюль Ле Кера от 1866 г. Цит. по: *Mosser M. Le génie du lieu et les intermittences de la mémoire // Courances / sous la direction de V. de Ganay, L. Le Bon. Paris: Flammarion, 2003. P. 112.* (Здесь и далее в тексте статьи, кроме особо оговоренных случаев, пер. с фр. мой. — Е.Д.).

¹⁵ См.: *Дмитриева Е.Е.* От садов Ленотра к патафизике Альфреда Жарри и экологическим проектам Валентины де Ганэ: замок Куранс // *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). С. 664–678.

Еще раз имению было суждено серьезно пострадать во время Второй мировой войны и пережить три оккупации. Сначала в Куранс были расквартированы группы специального назначения Люфтваффе, с 1944 по 1946 г. — американский дисциплинарный лагерь, а в 1949–1955 гг. Куранс стал резиденцией маршала Монтгомери, штаб которого находился в Фонтенбло. Так что следующим владельцам поместья, Жану-Луи де Ганэ и его жене Филиппине де Ноай суждено было в конце 1940-х — начале 1950-х гг. еще раз восстанавливать замок практически из пепла, сохраняя его функцию Дома, но одновременно осторожно и постепенно превращая его также и в музей¹⁶.

Казалось бы, ничто не может сравниться со страшными историями владельцев русских усадеб, когда после 1917 г. Дом не только не смог уберечь их от гибели, но и оказался дополнительным фактором их уничтожения. Но ведь и на Западе описанная выше судьба представителей рода Николаи была отнюдь не единичной.

Иер, имение Шарля и Мари-Лор де Ноай, праправнучки маркиза де Сада, ставшее одним из культовых мест европейской художественной богемы начала XX в.¹⁷, в период Второй мировой войны оказалось занято итальянцами. Мари-Лор де Ноай, имевшую еврейские корни и соответственно тут же переименованную в Бишоффсхайм, стало преследовать гестапо. Спас ее от преследований Серж Лифарь, «поладивший» в ту пору с немцами и организовавший ее защиту. Последнюю хозяйку имения, некогда прекрасную Мари-Лор, еще увидят в мае 1968 г., когда на своем Роллс-Ройсе она поедет на баррикады. Финал, признаемся, не самый плохой¹⁸.

Страшнее сложилась судьба сына Теодора Рейнаха, хозяина и создателя легендарной виллы на Лазурном побережье Керилос, кажется, предпринявшего единственную в мире попытку аутентичной реконструкции

¹⁶ Историю этого превращения подробнее см.: Courances / sous la direction de V. de Ganay, L. Le Bon. Paris. Flammarion, 2003. 266 p. Современная история замка Куранс отражена на сайте: Bienvenue au Domaine de Courances. URL: <https://www.domainedecourances.com/> (дата обращения: 08.02.2024).

¹⁷ Здесь снимал свой фильм «Тайны замка Де» Ман Рей. Чета де Ноай финансировала также создание фильмов «Кровь поэта» (*«Le Sang d'un poète»*, 1929) Жана Кокто и «Золотой век» (*«L'Âge d'or»*, 1930) Луи Бунюэля и Сальвадора Дали. См.: Из истории французской киномысли: немое кино 1911–1933 гг. / пер. с фр. М.Б. Ямпольского. М.: Искусство, 1988. 317 с.

¹⁸ Об имении Иер и судьбах его обитателей подробнее см.: *Дмитриева Е.Е.* Замки божественного маркиза и их новая жизнь в замке Иер герцогини де Ноай // *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). С. 546–569.

античной виллы. Это был невиданный научный эксперимент в истории искусства, исключавший, как тогда казалось, в настоящем и будущем музеефицирование данного эксцентрического «каприза». Задача, поставленная перед архитектором, заключалась в создании пространства обитания, имеющего современный комфорт, но сохраняющего максимальное уважение к духу Древней Греции. Еще одной задачей было доказать, как говорил сам архитектор, что современный комфорт отнюдь не противоречит жизни и привычкам людей древнего мира. Рейнах и Понтремоли (архитектор) сошлись на том, что они построят дом, который могли бы построить древние греки, если бы им привелось жить в начале XX в.

Во время Второй мировой войны вилла была занята сначала итальянцами — в 1942 г., затем немцами — в 1943 г. Находившиеся на вилле произведения искусства были перенесены в музей Ниццы. Архивы, которые хранились в доме Рейнахов, исчезли. Жюльен Рейнах, один из сыновей Теодора Рейнаха, который поселился на вилле в начале войны, был арестован. Его брат Леон также был арестован и погиб с двумя своими детьми и женой в Освенциме. Еще при жизни Теодор Рейнах завещал свою виллу Институту Франции, оговорив, что его дети смогут ею пользоваться (так называемая французская система *usufruit*). Однако в собственности Института вилла перешла только в 1967 г., когда получила статус исторического памятника и открылась как музей, статус которого она сохраняет и по сей день.

И все же в истории западноевропейских замков есть одна особенность, составляющая важное отличие от русских усадеб. Мы знаем немало случаев, когда музеефикация западноевропейских замков совпадает (или почти совпадает) по времени с доместикацией, т. е. когда сам хозяин замка или его близкие родственники уже при своей жизни создают из своего дома музей.

Как одновременно дом и музей оформляет свою виллу Керилос Теодор Рейнах, а вскоре после его смерти в 1928 г. его сын Леон (тот, который погибнет в Освенциме) просит архитектора Понтремоли написать путеводитель по вилле, который будет напечатан в 1934 г.¹⁹

Один из наиболее ранних случаев подобного феномена — имение Строберри Хилл английского писателя и члена палаты лордов Хораса (Горация) Уолпола. Первый в Англии замок, построенный в готическом стиле «с нуля», а не как реконструкция-римейк руинированных средневековых замков, замок, архитектурный проект которого ориентировался на реально существовавшие исторические образцы, а не на те образцы

¹⁹ Pontremoli E., Chamonard J. Kerylos, la villa grecque: Beaulieu à la Belle Epoque. [Marseille]: Jeanne Laffite, 1999. 107 p. (1-е изд. 1934 г.).

неоготики, что были созданы к тому времени британским архитектором Уильямом Кентом (1684–1748), инициировавшим в Англии готическое возрождение²⁰, Строберри Хилл предназначался для хранения богатейшей коллекции, состоявшей из нескольких тысяч предметов искусства, включая образцы старинной мебели и средневекового оружия²¹.

Уолпол составил подробное описание своей «виллы» и коллекции, чтобы и «остальной мир [о ней] знал», напечатав его в 1774 г. малым тиражом в собственной типографии. Полностью название звучало так: «Описание виллы мистера Горация Уолпола, младшего сына сэра Роберта Уолпола, графа Орфорда в Строберри Хилл подле Твикенгема. С инвентарем мебели, картин, достопримечательностей и т. п.» («A description of the villa of Horace Walpole, youngest son of Sir Robert Walpole earl of Orford, at Strawberry-hill, near Twickenham. With an inventory of the furniture, pictures, curiosities, & c»).

Известно, что количество гостей, желавших своими глазами увидеть виллу, было столь велико (среди посетителей замка были даже представители королевского семейства), что это постепенно стало вызывать раздражение Уолпола. Хозяин стремился похвастаться своим детищем, однако порой он все же прятался от посетителей в саду (вспомним известного героя гоголевской повести «Коляска»), в то время как экскурсии по дому проводила его экономка. Так что у него были все основания написать в 1763 г. своему другу Джорджу Монтегю:

У меня есть всего одна минута, чтобы ответить на ваше письмо, мой дом полон людей, и так продолжается с того самого момента, как я позвонил, а сейчас их еще больше; короче, <...> примите мой совет, никогда

²⁰ О роли, которую У. Кент, считающийся одним из создателей английского сада, сыграл в готическом возрождении в Европе и о негативном отношении к его опытам самого Уолпола см.: William Kent: Designing Georgian Britain. New Haven: Yale University Press, 2013. P. 247–269; См. также: William Kent: Designing Georgian Britain // Victoria and Albert Museum. URL: <https://www.vam.ac.uk/articles/william-kent-designing-georgian-britain> (дата обращения: 08.02.2024); *Eastlake, Charles L.* A History of the Gothic Revival. An attempt to show how the taste for mediæval architecture, which lingered in England during the two last centuries, has since been encouraged and developed. London: Longmans, Green, 1872. 427 p.

²¹ Коллекция Горация Уолпола славилась далеко за пределами Великобритании и в некотором отношении могла даже поспорить с коллекцией его знаменитого отца — Роберта Уолпола (1676–1745), которая в 1779 г. была продана его внуком Джорджем Уолполом императрице Екатерине Второй и легла в основу собрания Эрмитажа (см.: Эрмитажу 250 лет. XVIII век. Ч. 1. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/stewardess0202/post346038503>) (дата обращения: 08.02.2024).

не стройте себе очаровательный дом между Лондоном и Хэмптон-корт: в нем будут жить все, кроме вас самих²².

Превращал в род музея свои многочисленные имения еще один эксцентричный англичанин Уильям Бекфорд, унаследовавший от отца состояние в миллион фунтов стерлингов, поместье Фонтхилл в графстве Уилтшир и сахарные плантации на Ямайке, что позволило ему посвятить свою жизнь занятиям искусством и коллекционерству. Посетив Португалию, в 1794 г. он арендовал в Синтре поместье Монсеррат, принадлежавшее до того семье вице-губернатора Индии Каштра. Продолжив начатое уже до него строительство дворца и особо занимаясь садом, он, по сути, реализовывал фантазмы того подземного дворца, который был описан в его нашумевшем романе «Ватек» (1782), провоцирующем на поиск тайного знания. Не случайно Байрон, посетивший в первый день своего пребывания в Синтре в 1812 г. уже покинутый Бекфордом дворец Монферрат, назвал бывшего хозяина именем его литературного героя:

И ты, кто был так сказочно богат,
Ты, Ватек, создал здесь подобье рая,
Не ведая средь царственных палат,
Что все богатства — тлен и мира не сулят²³.

Впрочем, помимо португальского Монсеррата, Бекфорд заявил о себе как о фантазийном владельце и устроителе поместных усадеб, задумав еще до возвращения в Англию обустроить доставшийся ему в наследство от отца Фонтхилл. С 1807 г. он начинает строить на месте Фонтхиллского аббатства (*Fonthill Abbey*) грандиозное строение, по форме напоминающее готический собор, но призванное выполнять функции дворца. В нем он собирался разместить богатейшую библиотеку историка Эдуарда Гиббона, которую приобрел в Лозанне, а также другие свои коллекции. Но у замка в Фонтхилле было и другое назначение — популяризация неоготики как архитектурного стиля (в этом Бекфорд почти соревновался с Уол-

²² [Walpole H.] Horace Walpole's Correspondence with George Montagu: 2 vol. / ed. by W.S. Lewis, R.S. Brown. New Haven: Yale University Press; L.: H. Milford, Oxford University Press, 1941. Vol. 2. (Здесь и далее в тексте статьи перевод с англ. мой. — Е.Д.).

²³ Байрон Дж.Г. Паломничество Чайльд-Гарольда / пер. В. Левика // Байрон Дж.Г. Соч.: в 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 2. С. 148. В основу сказки Бекфорда была положена история халифа Ватэка, который в погоне за запретным знанием, очарованный обещаниями пришельца с того света (Гяура) открыть ему дворец подземного племени, спускается в преисподнюю.

полом). Задуманная им башня высотой более 90 м трижды разрушалась: но именно ее разрушение, которое приветствовал хозяин, сожалея, что не всегда может созерцать его сам, входило в замысел, парадоксальным образом становясь своеобразной музеефикацией — но только не материального объекта, а идеального замысла Бекфорда. Здесь мы видим тот редкий случай, когда музеефикация, входящая в интенции хозяина-автора, противостоит доместикации.

Особым видом музеефикации, примеры которой мы находим в истории западных поместий, может служить преобразование замка архитектурного в литературный и наоборот. Упомянутые уже выше замки Уолпола и Бекфорда также могут быть отнесены к этой категории. Купив в 1748 г. небольшую ферму под Лондоном в Твикенгеме на берегу Темзы и перестроив ее в средневековом духе, к своему замку Уолпол в итоге относился почти иронически, называя его то «бумажным», то слишком маленьким, то недостаточно таинственным. И продолжалось все это до тех пор, пока в июне 1764 г. Уолполу во сне не привиделась рука великана в доспехах, вычертившая на пандусе лестницы иной замок — гигантский и непостижимый, замок Отранто. Именно это видение и определило в дальнейшем судьбу и самого Уолпола, и поместья Стробрерри Хилл, превратившегося лишь в отраженную тень ставшего первым в истории английской литературы готического романа «Замок Отранто». Литература здесь явно восторжествовала над архитектурой.

Реализацией той утопии, которую не удалось осуществить в поместье Редхаус, стал для Уильяма Морриса, уже покинувшего к тому времени поместье, роман «Вести ниоткуда» (*“News from Nowhere”*, 1890)²⁴, пронизанный идеями утопического социализма. Действие своего романа он перенес в Лондон конца XX в., превратившийся в город-сад, каким он хотел видеть любимый им когда-то Аптон (деревню в графстве Кент, где был построен «Красный дом»). Программу подобного утопического города-сада Моррис сформулировал еще раньше, в 1870-е гг., в одном из частных писем:

...представь себе, что люди живут маленькими сообществами среди садов и зеленых полей, так что через пять минут ходьбы оказываешься в сельской местности; что у них скромные потребности: ну, например, их дома не заставлены мебелью, и они живут без прислуги; что они постигают искусство (трудное искусство) наслаждаться жизнью, и, наконец, начинают понимать, чего же в действительности хотят, — вот тогда-то и можно

²⁴ См.: Моррис У. Вести ниоткуда: утопия / пер. с англ. В.В. Дамье. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 168 с.

было бы, на мой взгляд, говорить о начале настоящей цивилизации. <...>
Но в наше время этого не произойдет²⁵.

Иногда, наоборот, усадьба (или вилла, замок) становится для писателя неким итогом, сублимацией того, что ему удалось (или не удалось) выразить в литературном творчестве. Таков был «Замок Монте-Кристо» (1846) Александра Дюма в предместье Парижа, на который писатель израсходовал практически все состояние, но в котором так и не успел пожить, ныне превращенный в музей.

Еще более яркий пример — дом Пьера Лоти, создававшийся в 1895–1923 гг., превращенный в театральные подмостки и одновременно в музей. Здесь соединилось многое: страсть к экзотизму, определившая жизненный путь Лоти и ставшая основной темой его многочисленных романов и новелл, страсть к житетворчеству, потребность смены масок, неудовлетворенность, которая кажется странной, если учитывать творческую плодовитость писателя (искавшего ответ на вопрос: «Как выразить ничто словом?»). Наконец, здесь был и преследовавший Лоти с юности страх смерти, который он пытался преодолеть, здесь были параллельно *слово* (не случайно так внимателен был к творчеству Лоти Марсель Пруст) и *декор* — внутреннее убранство виллы, позволявшее хозяину сопрягать времена. «Нет ничего более важного, чем декор», — скажет он в последней своей прижизненно изданной книге «Призрак Востока»²⁶. Дом своих родителей Лоти превращает в игровую площадку, позволяющую ему заново осмыслить и собственное письмо, и прошлое Истории. Одной из модальностей подобного осмысления становится *ужин Людовика XI*, который Лоти устраивает в своем доме в Рошфоре 12 апреля 1888 г., перенеся гостей в год 1470-й — время царствования Людовика XI и время действия романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы» (1831)²⁷. В этой связи нельзя не вспомнить пьесу Николая Евреинова «Красивый деспот» (1906), действие которой происходит в усадьбе 1904 г., где хозяин строит каждый свой день по дневнику прадеда, чью роль он хочет сыграть в этом усадебном сценарии.

Переживание и осмысление усадебного дома (виллы, замка) как своего рода компенсации за жизненные и литературные неудачи определило

²⁵ Цит. по: Кучерова Е.Н. Природа в эстетике Морриса // Эстетика Морриса и современность. М.: Изобразительное искусство, 1987. С. 210.

²⁶ Цит. по: Савелли Д. Как выразить «ничто» словом, или Пьер Лоти, русская критика и вопрос экзотизма в России // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 257.

²⁷ См.: Дмитриева Е.Е. Городская усадьба Пьера Лоти в Рошфоре: экзотизм в литературе и в повседневности // Mundo Slavico. 2023. № 22. Р. 183–195.

и строительство знаменитым шотландским историческим романистом В. Скоттом замка Эбботсфорд, продолжавшееся почти в течение 14 лет, с 1811 по 1824 гг.

Действие своих многочисленных романов В. Скотт нередко локализовывал в замке (замках). Поместье Элленгауэн в «Гае Мэннеринге» (1815) является центром, к которому ведут все нити повествования. В «Роб Рое» (1817) центром действия является подробно описанный Осбалдистон-холл, раскрывающий свои тайны только в конце романа. В «Пуританах» (1816) подобную роль играет замок Тиллитуддем. В «Айвенго» (1819) в замке Торквилстон разрешаются тайны романа и наступает развязка. Вокруг замка события концентрируются и в тех романах, действие которых отнесено не к Средневековью и рыцарской эпохе, без этого эмблематического жилища абсолютно немыслимой, но в тех, что рисуют картины и нравы гораздо более позднего времени. Характерный тому пример — «Уэверли» (1814), первый роман В. Скотта, действие которого разворачивается как минимум в пяти поместьях²⁸ (последний свой роман 1831 г. он так и назовет — «Опасный замок»).

Но еще за три года до появления «Уэверли», в 1811 г., Скотт приобретает 100 акров земли на южном берегу реки Туид, некогда принадлежавших аббатству Мелроуз, и далее занимается расширением сначала скромного, а потом и не очень скромного дома, который из фермерского превращается в настоящий средневековый замок, наполненный древностями, — коллекцией старинного оружия, предметов обихода, редких книг, которая пополнялась на протяжении всей жизни хозяина²⁹. Построенный по проекту самого Скотта, замок был инкрустирован (как это было и у Уолпола) подлинными, а также стилизованными элементами исторического декора: с потолка шотландского замка Стерлинг (его Скотт описал в «Уэверли») для него были скопированы витражи с изображением королей Шотландии; по образцу Эдинбургского Креста, расположенного напротив собора святого Эгидия в Эдинбурге, был выстроен фонтан; гар-

²⁸ См.: *Дмитриева Е.Е.* Локус замка в романах Вальтера Скотта («Уэверли») // Вестник Костромского гос. ун-та. 2023. Т. 29, № 3. С. 101–112.

²⁹ См.: *Malley Sh.* Walter Scott's Romantic Archaeology: New / Old Abbotsford and "The Antiquary" // *Studies in Romanticism*. 2001. Vol. 40, № 2. P. 233–251; см. также: *Macaulay J.* The Gothic Revival. 1745–1845. Glasgow: Blackie, 1975. P. 228. Как писал Н.В. Гоголь, «Вальтер Скотт первый отряхнул пыль с готической архитектуры и показал свету все ее достоинство. С того времени она быстро распространилась. В Англии все новые церкви строят в готическом вкусе. Они очень милы, очень приятны для глаз, но, увы, истинного величия, дышащего в великих зданиях старины, в них нет» (*Гоголь Н.В.* Об архитектуре нынешнего времени // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2003–. Т. 3. С. 105).

гульи же замка представляют собой алебастровые копии гаргулий аббатства Мелроуз. Строительство было завершено в 1824 г.

Свое архитектурное детище сам Скотт описывал как «романтику в архитектуре», «своего рода Замок-загадку»³⁰, утверждая, что если бы его увидел Дон-Кихот, то он принял бы его за «самый настоящий замок» (“an absolute Castle”), и в устах его это звучало как великая хвала³¹. Одобрительные речи были слышны и со стороны современников. «Один из воздушных замков В. Скотта, который он облек в твердый камень», — писал В. Ирвинг³². «Скотт в своем доме, воссоздающим прошлое, становится сам хозяином этого прошлого» (“Scott in his house which recreates the past is master of that past”) — восторгался Джон Гибсон Локарт³³.

Но наряду с похвалами была и критика. «Лучше бы его деньги и заботы обратились на иной объект, нежели Эбботсфорд», — писал адвокат Генри Кокберн³⁴. Замок называли «памятником тщеславию и нескромности» (“*monument of vanity and indiscretion*”), «памятником тщеславию, человеческой абсурдности и безумию» (“*Monument of vanity, human absurdity, or madness*”³⁵). «Замком из теста» — назовет Эбботсфорд леди Френсиз Шелли³⁶. Более чем серьезно звучал еще один упрек: «Литературная карьера Скотта была обусловлена его жадной денег, а его жажда денег была вызвана его одержимостью Эбботсфордом»³⁷. «Его высокий дар литературного воображения не смог распространиться на архитектурное сооружение», — резюмировал Т. Фонтане, увидевший замок в 1858 г.³⁸

³⁰ См.: The Journal of Sir Walter Scott / ed. W.E.K. Anderson. Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 11 (7 January 1828).

³¹ См.: The Letters of Sir Walter Scott: in 12 vols. London: Constable, 1932–1937. Vol. 4. P. 117.

³² Irving W. The Crayon Miscellany. № 2: Abbotsford and Newstead Abbey. Philadelphia, Pennsylvania: Carey, Lea and Blanchard, 1835. P. 43; Цит. по: Brown I.G. Scott, Literature and Abbotsford // Abbotsford and Sir Walter Scott, The Image and the Influence. Monographs of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland, 2003. P. 8.

³³ Цит. по: Brown I.G. Scott, Literature and Abbotsford. P. 25.

³⁴ Cockburn H. Memorials of his time. Edinburgh (Scotland): T.N. Foulis, 1909. P. 402–403.

³⁵ Цит. по: Grant E. Memoirs of a Highland Lady: in 2 vols. / ed. by H. Tod. Edinburgh: Canongate Classics, 1988. Vol. 2. P. 73; Brown I.G. Scott, Literature and Abbotsford // Abbotsford and Sir Walter Scott, The Image and the Influence. Monographs of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland, 2003. P. 9.

³⁶ The Diary of Frances Lady Shelley. 1818–1873: in 2 vols. London: C. Scribner's, 1913. Vol. 2. P. 46.

³⁷ Цит. по: Brown I.G. Scott, Literature and Abbotsford. P. 26.

³⁸ Fontane Th. Beyond the Tweed: A Tour in Scotland in 1858. London: Angel Books, 1998. P. 214.

В чем же заключалась причина такого озлобления против Эбботсфорда? В том ли, что Скотт сам придавал слишком высокое и трепетное значение своему замку, называя его словами Кольриджа “a thing to dream of not to tell”? Или в том, что он осмелился ставить его выше собственных романов, в высоком достоинстве которых никто не сомневался? “My oaks will outlast my lauriers”, — писал он в одном из писем³⁹.

И по сей день остается загадкой, как Скотт, который уже находился ко времени строительства своего замка в зените литературной славы⁴⁰, решил противопоставить своим литературным творениям замок, увидев именно в материальном воплощении *воображаемого* тот искомый идеал, которого он не находил в литературном письме⁴¹.

На этот раз в соперничестве литературы и архитектуры архитектура одержала верх. Но любопытная деталь: описываемые Скоттом в романах литературные замки, будучи эмблемами истории и носителями родовой памяти, именно в этом качестве выступающие у него как подверженные смерти и уничтожению⁴², словно предсказали судьбу его архитектурного

³⁹ Цит. по: *Pearson H. Walter Scott: His Life and Personality*. London: Methuen, 1954. P. 149.

⁴⁰ «Его творения читают и переводят с равным нетерпением в Париже, Стокгольме, Варшаве, Милане и Москве. — Этого мало: он мирит вкусы всех званий и состояний. Математик оставляет решение задачи и дочитывает роман В. Скотта; модная дама не едет на бал, получив роман его; историк учится писать у В. Скотта; философ удивляется, как умел он разгадать такие тайны сердца человеческого, которые понятны ему только чрез отвлеченные и утомительные исследования», — писал в это время о В. Скотте Николай Полевой (*Полевой Н.А. Вальтер Скотт и его сочинения* (Ст. I) // Московский телеграф. 1826. Ч. 11. № 19. С. 186).

⁴¹ Данный уникальный случай можно сопоставить лишь с историософской главой «Это убьет то» (“*Sei tuera cela*”) В. Гюго из его романа «Собор Парижской богоматери», в которой он сокрушенно пишет о книге (литературе), пришедшей на смену архитектуре, пытаясь своим романом о соборе словно повернуть вспять исторический процесс: «Малое берет верх над великим. <...> Нильская крыса убивает крокодила <...> книга убьет здание» (*Гюго В. Собор Парижской богоматери*. Пьесы. Статьи. Стихотворения. М.: АСТ, 2003. С. 165, 173).

⁴² Тема замков, превращающихся в руины, переходящих к другим владельцам и тем самым купирующих историю рода, вообще одна из ключевых тем исторических романов В. Скотта. Лишается своего родового замка в «Ламмермурской невесте» (1819) потомок древнего рода Рэвенсудов, в то время как поместье переходит в руки «некоего сэра Уильяма Эштона», «умеющего ловить рыбу в мутных водах государства» (*Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. / пер. с англ. Б.Г. Реизова*. М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1965. Т. 7. С. 24). Этот мотив Пушкин использует в незавершенном романе «Дубровский» (1833). Изгоняют из своего имения шотландского лорда Годфри Бертрама Элленгауэна в романе «Гай Мэннеринг» (1815). На грани

замка, который он, едва выстроив, уже практически потерял. В 1826 г., в год финансового кризиса, постигшего Шотландию⁴³, поместье его оказалось в долгах. «Пиршеству фантазии пришел конец, — запишет он в своем дневнике, — а вместе с ним и чувству независимости»⁴⁴. Слова эти, разумеется, более относятся к еще одному потрясению 1826 г.: вынужденный обнародовать источники своих доходов, Скотт признается и в авторстве написанных им романов, до тех пор издававшихся анонимно («Волшебный жезл Неизвестного задрожал в руке. Отныне его придется называть Слишком Хорошо Известным»)⁴⁵. И все же, думается, что страх утраты замка сыграл не меньшую роль во внутреннем кризисе, который пережил тогда Скотт.

За два года до смерти Скотта, в 1830 г., библиотека и музей были безвозмездно возвращены ему кредиторами. И когда после смерти романиста в Эдинбурге разгорелась дискуссия о возможности установки ему памятника, то вместо этого было решено полностью вернуть Эбботсфорд в собственность его семьи. «Почему бы Эбботсфорду не стать нашим литературным Бленхемом», — с пафосом воскликнул тогда шотландский художник сэр Дэвид Уилки, который и был инициатором реституции замка семье⁴⁶.

уничтожения находится род Моубрей в романе «Сент-Ронанские воды» (1823). Несправедливо лишен трона Альфонс Кастильский, скрывающийся за маской «неизвестного рыцаря» в романе «Айвенго» (1819) (не случайно его девиз *El Desdichado* был использован Ж. де Нервалем в качестве названия первого сонета его поэтического цикла «Химеры»). В романе «Уэверли» (1814) также описывается гибель поместья — замка Тулли-Веолан, разоренный вид которого глубоко поражает вернувшегося туда Эдуарда Уэверли.

⁴³ См.: Максименко М.А. Повседневная жизнь Вальтера Скотта как отражение финансового кризиса в Шотландии в 1825–1826 гг. // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 57–61.

⁴⁴ The journal of Sir Walter Scott. P. 40.

⁴⁵ Цит. по: Долинин А.А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988. С. 45–50.

⁴⁶ Цит. по: Cunningham A. The Life of Sir David Wilkie: with his journals, tours, and critical remarks on works of art; and a selection from his correspondence, in 3 vols. London: John Murray, Albemarle Street, 1843. Vol. 3. P. 62; Brown I.G. Scott, Literature and Abbotsford // Abbotsford and Sir Walter Scott, The Image and the Influence. Monographs of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland, 2003. P. 4. Бленхем (Бленхейм, Blenheim) — английское название местечка Блиндхайм в Германии, где англо-австрийские войска под командованием герцога Мальборо одержали в 1704 г. победу над Францией и Испанией. Символ английской национальной славы.

Среди последующих владельцев замка были внук Вальтера Скотта Уолтер Локхарт Скотт (1826–1853) и его младшая сестра Шарлотта Гарриет Джейн Хоуп-Скотт (1828–1858). Дом был открыт для публики в 1833 г., но потомки Скотта продолжали занимать его до 2004 г. Последним из прямых потомков романиста в Эбботсфорде была его прапраправнучка — дама Джин Максвелл-Скотт (1923–2004), превратившая дом в одну из главных туристических достопримечательностей Шотландии. И только после ее смерти был создан *Abbotsford Trust* для защиты поместья.

Список литературы

Исследования

- 1 *Азадовский К.М.* Панорама русского штейнерианства // Новое литературное обозрение. 2007. № 2. С. 209–216.
- 2 *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки.* М.: Эдиториал УРСС, 2001. 782 с.
- 3 *Дмитриева Е.Е.* Городская усадьба Пьера Лоти в Рошфоре: экзотизм в литературе и в повседневности // *Mundo Eslavico*. 2023. № 22. С. 183–195.
- 4 *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы): монография. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 768 с. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 5).
- 5 *Дмитриева Е.Е.* Локус замка в романах Вальтера Скотта («Уэверли») // Вестник Костромского гос. ун-та. 2023. Т. 29, № 3. С. 101–112.
- 6 *Долинин А.А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988. 315 с.
- 7 Из истории французской киномысли: немое кино 1911–1933 гг.: сб. / пер. с фр. М.Б. Ямпольского. М.: Искусство, 1988. 317 с.
- 8 *Кучерова Е.Н.* Природа в эстетике Морриса // Эстетика Морриса и современность. М.: Изобразительное искусство, 1987. С. 210–221.
- 9 *Максименко М.А.* Повседневная жизнь Вальтера Скотта как отражение финансового кризиса в Шотландии в 1825–1826 гг. // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 57–61.
- 10 *Рузвельт П.* Судьба усадеб России и их сокровищ 1917–1930 // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Жираф, 2009. Вып. 15. С. 7–24.

- 11 *Савелли Д.* Как выразить «ничто» словом, или Пьер Лоти, русская критика и вопрос экзотизма в России // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 251–283.
- 12 *Brown I.G. Scott, Literature and Abbotsford // Abbotsford and Sir Walter Scott, The Image and the Influence. Monographs of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland, 2003. P. 4–36.*
- 13 *Eastlake Ch. L.* A History of the Gothic Revival: An attempt to show how the taste for mediæval architecture, which lingered in England during the two last centuries, has since been encouraged and developed. London: Longmans, Green, 1872. 427 p.
- 14 *Cunningham A.* The Life of Sir David Wilkie: with his journals, tours, and critical remarks on works of art; and a selection from his correspondence, in 3 vols. London: John Murray, Albemarle Street, 1843. Vol. 3. 552 p.
- 15 *Macaulay J.* The Gothic Revival. 1745–1845. Glasgow: Blackie, 1975. 451 p.
- 16 *Mackail J.W.* The Life of William Morris. L.; N. Y.; Bombay: Longmans, Green & Co, 1922. 380 p.
- 17 *Malley Sh.* Walter Scott's Romantic Archaeology: New / Old Abbotsford and "The Antiquary" // Studies in Romanticism. 2001. Vol. 40, № 2. P. 233–251.
- 18 *Mosser M.* Le génie du lieu et les intermittences de la mémoire // Courances / sous la direction de V. de Ganay, L. Le Bon. Paris: Flammarion, 2003. P. 110–117.
- 19 *Pearson H.* Walter Scott: His Life and Personality. London: Methuen, 1954. 295 p.
- 20 *Waithe M.* The Stranger at the Gate: Privacy, Property, and the Structures of Welcome at William Morris's Red House // Victorian Studies. 2004. № 46 (4). P. 567–595.
- 21 Courances / sous la direction de V. de Ganay, L. Le Bon. Paris: Flammarion, 2003. 266 p.
- 22 William Kent: Designing Georgian Britain. New Haven: Yale University Press, 2013. 688 p.
- 23 William Kent: Designing Georgian Britain // Victoria and Albert Museum. URL: <https://www.vam.ac.uk/articles/william-kent-designing-georgian-britain> (дата обращения: 08.02.2024)

Источники

- 24 *Байрон Дж.Г.* Паломничество Чайльд-Гарольда / пер. В. Левика // *Байрон Дж.Г.* Соч.: в 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 2. С. 133–289.

- 25 *Белый А.* Антропософия и Россия / пер. с нем. и примеч. Р. фон Майдель и М. Безродного // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 168–181.
- 26 *Гоголь Н.В.* Об архитектуре нынешнего времени // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2003–. Т. 3. С. 97–113.
- 27 *Гюго В.* Собор Парижской богоматери. Пьесы. Статьи. Стихотворения. М.: АСТ, 2003. 1049 с.
- 28 *Моррис У.* Вести ниоткуда: утопия / пер. с англ. В.В. Дамье. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 168 с.
- 29 *Полевой Н.А.* Вальтер Скотт и его сочинения (Ст. I) // Московский телеграф. 1826. Ч. 11. № 19. С. 185–205.
- 30 *Скотт В.* Ламмермурская невеста // *Скотт В.* Собр. соч.: в 20 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1965. Т. 7. С. 7–365.
- 31 *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М.: Новалис, 2002. 136 с.
- 32 Эрмитажу 250 лет. XVIII век. Ч. 1. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/stewardess0202/post346038503> (дата обращения: 08.02.2024).
- 33 *Cockburn H.* Memorials of his time. Edinburgh (Scotland): T.N. Foulis, 1909. 445 p.
- 34 *The Diary of Frances Lady Shelley: 2 vols. 1818–1873.* London: C. Scribner's, 1912–1913.
- 35 *Fontane Th.* Beyond the Tweed: A Tour in Scotland in 1858. L.: Libris, 1998. 230 p.
- 36 *Irving W.* The Crayon Miscellany. № 2: Abbotsford and Newstead Abbey. Philadelphia, Pennsylvania: Carey, Lea and Blanchard, 1835. 230 p.
- 37 *The Journal of Sir Walter Scott / ed. W.E.K. Anderson.* Oxford: Clarendon Press, 1972. 812 p.
- 38 *The Letters of Sir Walter Scott, 1787–1832: in 12 vol.* L.: Constable & Co, 1932–1937.
- 39 *Mackensen F.* Worpswede und seine ersten Maler // Stader Archiv, Neue Folge. 1940. H. 40. S. 5–14.
- 40 *Grant E.* Memoirs of a Highland Lady: in 2 vols. / ed. by H. Tod. Edinburgh: Canongate Classics, 1988. 368 p.
- 41 *Pontremoli E., Chamonard J.* Kerylos, la villa grecque: Beaulieu à la Belle Epoque. [Marseille]: Jeanne Laffite, 1999. 107 p.
- 42 [*Walpole H.*] Horace Walpole's Correspondence with George Montagu: in 2 vols. / ed. by W.S. Lewis, R.S. Brown. New Haven: Yale University Press; L.: H. Milford, Oxford University Press, 1941.
- 43 *Worpsweder Archiv // Worpsweder Museen.* URL: <https://www.worpswede-museen.de/barkenhoff/worpsweder-archiv.html>. (дата обращения: 08.02.2024).

- 44 Historic Houses Wiki. Red House, London. URL: https://historic-houses.fandom.com/wiki/Red_House,_London#Early_residential_ownership:_1866%E2%80%931933 (дата обращения: 08.02.2024).
- 45 Bienvenue au Domaine de Courances. URL: <https://www.domainedecourances.com/> (дата обращения: 08.02.2024).